

Ускользящая повседневность

Сыродеева А., Институт философии РАН, Москва
h.puck@mail.ru

Аннотация: Повседневность имеет свойство ускользать от внимания самых разных социальных субъектов, ибо представляется им избыточной в контексте собственной жизни и жизни Других. Парадоксальным образом ее превращают в предмет осмысления события утраты, расставания с ней. При этом наш современник оказывается в некотором привилегированном положении, поскольку динамичность сегодняшней жизни позволяет отчетливо видеть, насколько социокультурные варианты повседневности конечны. И это знание, полагает автор статьи, помогает и обывателю, и исследователю менее предвзято воспринимать и осмысливать структурные и ценностные характеристики повседневности, ее многообразие и неоднозначность. Особо подчеркивается в статье комплементарное сосуществование различных вариантов повседневности, что способствует выполнению ею, в том числе, интегративной функции в обществе.

Ключевые слова: повседневность, обыденная жизнь, будничность, обыватель, обыденное сознание, неопределенность, динамизм современной жизни, многообразие, амбивалентность, высокомерие, социальная интеграция

Да, наша жизнь устроилась так, что выживают только (не считая известно кого) сильные физически и духовно. Но что делать негероям, обывателям (в старом, не отрицательном значении этого слова)?

А.П. Чудаков

Бытие ускользает от фиксации. Не то что бытие где-то существует само по себе и сверх того еще ускользает от рассмотрения; нет, ускользание бытия как такого - это и есть само бытие.

В.В. Бибихин

Человеку сложно помыслить себя вне повседневности. Однако в конкретные периоды жизни и исторические эпохи наблюдается разная степень ее проблематизации. Привычность и очевидность повседневности способствуют «разговору» о ней будь то на общественном или межличностном уровне, когда случается ее слом, превращение в «уходящую натуру». Трагическим образом наиболее радикальные попытки изменить, взорвать устои, заведенный порядок – войны, революции – оказываются наиболее выразительными иллюстрациями того, какова роль повседневного для человека и чем чреват социальный распад привычных ритмов.

За пределами же катастроф социального или личного порядка, катаклизмов

природных или техногенных к повседневности часто и настойчиво предъявляют многочисленные «претензии». Ведь она функционирует согласно предзаданным принципам, что многим представляется сковывающим свободу и внутренний полет, соответственно, цели и устремления предпочитают увязывать не с ней. Она однообразна и потому непривлекательна, малоинтересна. Таковой долгое время оставалась, в том числе, для исследователей. Неслучайно, ее синоним в общественном сознании – «мещанство» – намекает на местечковость и меркантильность, а в научном – «обыденность»¹ – классифицирует соответствующий взгляд на мир как узкий и упрощенный. Сколь пленительны «в противоположность обыденной незадачливости человеческой жизни черты исключительности, незаурядности и потому волнующей остроты»²...

Современная социальная реальность делает повседневность дополнительно уязвимой. В самом общем плане можно определить наметившуюся тенденцию как вытеснение и разрушение повседневности динамичностью современной жизни. При этом интрига состоит в том, что обыденность сопротивляется такому вектору развития. И это противостояние многое раскрывает в ней самой. Вместе с угрозами, нависшими над повседневностью, и опасностями, которые, как следствие, наступают нашего современника, последний обретает шанс чуть лучше разобраться в реальности, где проводит час за часом собственной жизни, а значит, лучше понимать самого себя.

Нынешнюю действительность отличает особая подвижность. Жизнь не просто динамична, но радикально изменчива. Все чаще звучит тезис, что человеку предстоит менять профессию в течение жизни несколько раз. Очевидным образом предметы быта стремительно устаревают. Наш современник вынужден неустанно адаптироваться к трансформирующейся реальности. Создается впечатление, что неопределенность, принесенная бурными изменениями, победила или по меньшей мере затмила обыденность³.

Но на деле параллельно происходят процессы иного рода: динамичность социальной действительности подталкивает людей не порывать с повседневностью, не пытаться выпрыгнуть из нее, а, напротив, по возможности, оберегать. Ощущая, как техника, оснащенная мотором, мчится со все возрастающей скоростью, отнимая у нас многое, мы пытаемся притормозить и пересаживаемся на средства передвижения из прошлого, в том числе, из нашего детства – на велосипеды и самокаты – отправляемся в регулярные пешие прогулки не в последнюю очередь для возвращения в привычные ритмы. При всех радикальных изменениях института семьи ценность домашнего очага остается значимой и желанной. Тезис психологов о важности для детей родительской

¹ Сошлюсь на ставшую почти классической для русскоязычного читателя небольшую работу Бернхарда Вальденфельса «Повседневность как плавильный тигель рациональности», в которой и автор, и переводчик используют понятия «обыденная жизнь» и «повседневность» как синонимы. (Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигель рациональности // Социологос. М.: Прогресс, 1991. С. 39–50.)

² Хайдеггер. М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер. М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 215.

³ О переживании неопределенности в современном мире, в частности, см.: Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.

заботы все лучше усваивается динамичными бизнесменами. И сколько бы они не перепоручали свои родительские функции няням, бабушкам и дедушкам, стремительное взросление детей подталкивает их уделять внимание, дарить любовь детям, а если не успели, то по крайней мере внукам. Открываются музеи уходящих десятилетий. Жанр воспоминаний пользуется популярностью как среди читателей, так и писателей. Движение за сохранение «исчезающей» повседневности достаточно отчетливо.

В насквозь продуваемом изменениями мире повседневность нужна как якорь, почва, как печка, которая согреет и от которой по-прежнему самое надежное «плясать» во внутреннем движении. При этом не ставится под сомнение, что атмосфера повседневности бывает удушающей, но обыденная рутина, подобно природным повторяющимся циклам, все чаще выполняет роль необходимой терапии, которая требуется для обретения внутреннего равновесия⁴.

Иными словами, находясь под натиском разного рода угроз, повседневности удастся уклониться, ускользнуть от опасностей, сохраняя свою почти экзистенциальную значимость для нас.

Каким образом почти Золушка оказывается способна на подобное? У ответа на этот вопрос есть разные аспекты.

Понятно, что в каком бы динамичном мире мы ни жили, ничто не может полностью и безвозвратно исчезать, а затем стремительно ниоткуда возникать. Скорее стоит говорить о засыпании или отходе на периферийный план, о стертых формах или промежуточных вариантах, о разных, в том числе скрытых, зонах пребывания конкретного социального явления. Соответственно, от исследователя и любого оплакивающего «утрату» повседневности требуется чуть менее драматично воспринимать происходящее. Не размышлять в терминах «есть/нет», «была/исчезла», «имели/потеряли», а подмечать нюансы изменения, трансформации. Отметим лишь некоторые из них.

А) Повседневности не угрожает исчезновение, скорее она истончается. Соответственно, все меньше времени отводится для кристаллизации смыслов, что привычно гарантировала повседневная реальность. Переставая быть плотной, она, тем не менее, обретает много входов и выходов.

Б) Повседневным становится само изменение, которое не вытеснило обыденность, не взорвало изнутри, а привнесло в нее дополнительное многообразие.

По-видимому, проблема не в обыденности как таковой, а в том, как смотреть на нее, в какой степени отдавать отчет в ее многоликости и многоплановости, делая ставку на то, что значимо и близко.

Подмечать многообразие повседневности помогает, в частности, внимание к тому, что происходит при прохождении ее символической границы. В подобной обстановке, согласно законам восприятия, совершается смена ракурса,

⁴ Переплетение повседневной ритмики, содержательных поисков и обретения душевного баланса выразительно передано в книге стихов Константина Гадаева «ВОКШАТСО» (М.: Изд-во Н. Филимонова, 2015). Подробнее об этом см.: Сыродеева А.А. В «защиту» повседневности // *Вопр. философии*. 2016. № 6. С. 200–207.

работающая на прояснение имеющихся вопросов. В данном случае это позволяет ощутить потенциальную конечность повседневности, ее лишь кажущуюся неустранимую длимость. Многие претензии к повседневности подпитывает то, что ошибочно она воспринимается как не имеющая конца, всепоглощающе окутывающая наше бытие. Динамичность сегодняшней жизни помогает освободиться из-под давления подобной иллюзии. Нет ныне (в большей степени, чем когда-либо прежде) одной бесконечной повседневности. Скорее, множественное число разных, «коротких». Именно это позволяет переключаться, иным образом смотреть на обыденное, не задыхаться и не покидать его, хлопнув дверью и убежав. Современные процессы сработали на повседневность, разбивая ее на фрагменты.

Более того, если в прежние эпохи социальная стратификация жестко разводила по «социальным квартирам-полюсам» обыденности и выход из каждой был объективно труден, то ныне многочисленные социальные лифты (от доступных скоростных транспортных средств и СМИ до институтов демократии) позволяют быть достаточно мобильным, составляя свои индивидуальные повседневные конфигурации. Обыденность перестала быть герметичной, в нее (в разные ее варианты) сравнительно легко войти и выйти. Сделать это личность может как индивидуальность, а не только как член некоторого сообщества. При этом большой динамизм и демократизм современного общества способствует тому, что человек, пробуя разные виды деятельности, обнаруживает в них схожие структурные элементы повседневности: рутинная «черная» работа равно присутствует в низкооплачиваемом, в квалифицированном виде труда, в свободных профессиях. Подобный опыт существенно корректирует стереотипные представления о повседневности.

Итак, у нашего современника есть реальная возможность активно работать со структурной сложностью повседневности.

Повседневность сложна не только по своей внутренней организации или логике функционирования. Как и многим социальным явлениям, ей присуща содержательная многогранность и ценностная неоднозначность.

Амбивалентность – одно из заметных свойств повседневности. Вопрос в том, насколько это принимается во внимание. Амбивалентность повседневности хорошо отражена в неоднозначном отношении к мещанству. Да, вес, пропорция материального, земного – немалая. Но полет начинается с разбега, разгона по земле. Здесь берутся силы и навыки. Повседневность – почва, необходимая каждому. Это то место, где собирается багаж, с которым человек идет по жизни, рутина-перегной, где укоренены цветы.

Как следствие, повседневность оказывается в некотором смысле «универсальным» языком, который используется в разные эпохи, в разных уголках мира и разными социальными слоями, пусть и расставляют при этом история и география разные акценты. Радость забот, привнесенных рождением, а затем взрослением ребенка в кругу родных, помощь в горе и болезни близким, поддержание домашнего очага, упорный труд, сопровождаемый внутренним удовлетворением – все это в принципиальных моментах понятно и значимо для самых разных людей. В этом плане представляется возможным говорить о наличии социального интеграционного

потенциала у повседневности.

Естественно, обыденность, описанная Ч. Диккенсом, существенно отличается от представленной в произведениях Дж. Остин. В диккенсовскую повседневность никто не хочет погружаться, тем более возвращаться. Многими осознается и то, что война, революция как слом «старой» повседневности по-своему устрашающие события, ибо означают превращение сиротства, бездомности, голода в «новую» повседневность. Не поэтому ли, когда назревает потребность в изменениях, путь реформ, переговоров, компромиссов предстает более жизнеутверждающей альтернативой? И не по этой ли причине психологи, советуя личности смену жизнеустройства в случае семейного, профессионального кризиса (но не всем, не всегда и главное – не сразу) рекомендуют посмотреть на проблему и ее участников под иным углом зрения и по возможности сделать выбор в пользу сбалансированных форм изменений в индивидуальном повседневном пространстве?

Более того разнообразные смыслы присутствуют не только в самой повседневности, но и в ее связках, стыках с неповседневным. Важно не герметизировать, оставлять ее окна открытыми. Ибо не только внутри границ обыденного мира, но и за его пределами, получает воплощение присущий повседневности потенциал.

Многообразие структурное, смысловое и ценностное – существенный ресурс повседневности. Но он же ставит и вопрос о том, как им распоряжаться, пребывающему в ней и анализирующему ее.

Предпринимая попытки защитить повседневность, выявить ее возможности, важно не впасть в противоположную крайность. Восторженность, некритичность в отношении обыденности не просто означает необъективность, но фактически отталкивает тех, кому трудно принять определенные ее свойства.

В своей работе «Повседневность как плавильный тигль рациональности» Бернхард Вальденфельс, напомнив читателю о вкладе в разработку данной проблематики А. Шюца и Г. Гарфинкеля, Л. Витгенштейна и Дж. Остина, А. Лефевра и А. Хеллер, М. Бахтина и В.Н. Волошина, Р. Барта и Ф. Броделя, отмечает: «Самые разнообразные исследования объединяются вокруг проблем обыденной жизни, и поэтому мы можем говорить о глубинном интересе к повседневности.

Однако в этой ситуации следует соблюдать особую осторожность, так как понятия, часто привлекающие к себе внимание ученых, могут приобретать неконтролируемую многозначность и потерять собственное содержание»⁵. При этом Б. Вальденфельс ссылается на предостережения Норберта Элиаса: «Во-первых, нельзя превращать повседневную жизнь в универсальную категорию, под которую подводятся вьетнамские крестьяне, китайские мандарины, средневековые рыцари, афинские мыслители и обычный человек индустриального общества, соединяясь тем самым в некое мирное карнавальное шествие. Во-вторых, нельзя обыденную жизнь представлять в качестве особой автономной сферы, отделенной от общества с его

⁵ Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. С. 40.

структурами власти»⁶. И сам развивает эту линию рассуждений: «Я предлагаю генеалогию повседневной жизни, которая не допускает преувеличения значения этой сферы, не возводит категорию повседневности в ранг универсального понятия и не абсолютизирует теорию обыденной жизни»⁷. Осуществляет он это, плюрализируя повседневность вслед за плюрализацией, расчленением в исторической перспективе рациональности: «“Рассеянному разуму” соответствует превращение области повседневной жизни в лабиринт, который не был спланирован какой-либо центральной инстанцией и не был создан по какому-либо образцу»⁸. Преобразив повседневность в лабиринт с множеством закоулков, он затем прослеживает разнонаправленные как вертикальные, так и горизонтальные процессы, происходящие в ней и с ней внутри социальной ткани. Прием «изменения перспективы»⁹ позволяет понять повседневность как плавильную печь, в которую попадает многое, а на выходе получается «переливающееся красками» разное¹⁰. Парадоксальным образом разнообразие повседневности может выступить как причиной, так и преградой для ее абсолютизации и чрезмерно расширительной трактовки. Думается, Б. Вальденфельсу удастся в определенной степени разрешить эту проблему, интерпретируя повседневность как место динамичных процессов, которое в свою очередь пребывает в динамичном изменении.

Существует немало пограничных сюжетов, которые помогают увидеть повседневность в действии. Коснемся двух из них. Первый – где ускользание ее минимальное, ибо она там довлеет. Второй – о том, как на повседневность ведется наступление, где ей неуютно.

К числу зон, в которых повседневности много, где она очевидна и выступает хозяйкой, относятся периоды детства и пожилого возраста.

Слабые, вплоть до беспомощности, принадлежащие этим зонам возрастные группы оказываются защищены в данном пространстве. То, что еще или уже не могут делать сами – быть обогреты физически и душевно – они находят в пространстве рутинной обыденности. Не исключая случаев насилия, как правило, это пространство уютнее, понятнее для детей и пожилых, чем внеобыденный мир. Циклы повседневного мира воспроизводят природные ритмы: дыхания, сна и бодрствования, смены времен года. Представителям двух названных групп немалым подспорьем служит то, что привычная ритмика повседневности соотносится с их возможностями, знакома им, многократно в течение жизни воспроизводится.

Две перечисленные возрастные группы больше других пользуются тем, что пластами откладывается и хранится в повседневности. Они – главные потребители описанного Ф. Броделем: «Неисчислимые действия, передававшиеся по наследству, накапливавшиеся без всякого порядка, повторяющиеся до бесконечности, прежде чем мы пришли в этот мир, помогают нам жить – и одновременно подчиняют нас, многое

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 41.

⁸ Там же. С. 41.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 50.

решая за нас в течение нашего существования. Здесь мы имеем дело с побуждениями, импульсами, стереотипами, приемами и способами действия, а также различными типами обязательств, вынуждающих действовать, которые порой, причем чаще, чем это можно предполагать, восходят к самым незапамятным временам»¹¹.

Роль повседневности в качестве необходимой опоры для ребенка и старика благородна. Человек начинает свою жизнь в привычной рутине, она позволяет ему крепнуть, набираться сил. И он возвращается к ней, когда силы его тают. Подобная «рамочная» роль позволяет лучше видеть, насколько обыденное является неотъемлемой составляющей человеческой жизни.

Естественно, в ходе жизни многое меняется, в разные периоды пропорция смещается то в пользу повседневной стабильности, «оседлости», то «кочевого» образа жизни. Более того, разным людям ближе по ряду причин разная ритмика. Среди периодов, когда человеку принципиально ускользнуть, выйти из-под влияния повседневности – подростковый возраст. И как следствие этот период отличает нестабильность, отягощенность психологическими проблемами: подросток отказывается от, сбегает из заданной определенности обыденного мира, но при этом не знает, какой быть альтернативе, еще не способен выстроить то, что удовлетворит лично его.

Как бы ни множилась в своем многообразии, как бы ни делилась на фрагменты и не перемежалась нерутинным, повседневность все равно остается с нашим современником на протяжении его жизни, хотя и временно на второстепенных ролях. Среди прочего это обусловлено тем, что прогрессистская логика динамики и развития – не единственная, пусть и доминирующая ныне. Цикличность воспроизводится в пространстве обыденности, являясь немалым психологическим подспорьем. Здесь доминируют не сложные опосредованные связи, многозвеньевые цепочки действий и отношений, а непосредственная близость результата, каким бы малым или промежуточным он ни представлялся постороннему взгляду.

На фоне присущей повседневности очевидной амбивалентности, тем не менее достаточно отчетливо заявляет о себе негативное отношение к обыденности. А ведь последняя внутренне разнородна у дальнобойщика и коммивояжера, сезонного рабочего и фермера, работника на производстве и в офисе. Стереотипное мышление, которое любит все представлять в одном цвете, руководствуется тезисом об однообразии конкретного образа жизни, непохожего на собственный. И как следствие преобладающей тональностью в отношении представителя иного типа обыденности становится в одних случаях высокомерие, в других – зависть.

Не сбрасывая со счетов материальный фактор, влияющий на восприятие иной повседневности, в данном случае хотелось бы обратить внимание на ценностно-смысловые моменты. Очень часто инициаторами и сторонниками высокомерного отношения к чужой повседневности наряду с представителями власти выступают интеллектуалы. Если для первых взгляд свысока – достаточно распространенная характеристика, выступающая следствием положения в социальной иерархии, то для

¹¹ Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993. С. 13.

последних – результат сложного сочетания причин. Очевидно, что для писателей и художников повседневное – интересный, ценный материал, в который они всматриваются, вслушиваются, затем создавая новые образы и *рисунки* жизни. Более того, можно предположить, что знания оберегают интеллектуалов от следования стереотипам и соответственно необоснованной стигматизации людей отличного социального круга. Однако, нередко гордыня шагает рука об руку с эгоцентричной зашоренностью, взглядом на мир преимущественно с собственной точки зрения. Сложное упрощается высокомерным взглядом. Повседневность – удобный для подобных процедур материал. Слова Н.Н. Козловой, опубликованные в 1996 г., продолжают звучать злободневно. «Сегодня интеллигенция чаще всего объявляет себя носителем Культуры (неприменно с большой буквы) и смыслов этой самой культуры. Культура – сакральное пространство, которое противостоит обыденному, косному, повседневному, мещанскому, крестьянскому. Она вся в заботах о душе (чужой, прежде всего), в стремлении подчинить человека не просто неким социальным правилам, но абсолютным ценностным иерархиям, основанным на «духовных», метафизических принципах Культуры. Так Культура становится источником насилия, которое может принимать различные формы. Одна из таких форм – вызывание чувства вины в тех, кто не приобщен. А источник репрессии – невинная убежденность в том, что хорошее – лишь то, что хорошо для самого «носителя» культуры, правильного сознания, умения правильно мыслить»¹².

Возможны и промежуточные варианты: лишь частичное высокомерие в отношении одних аспектов повседневности при учете сложности других, как это описано Э.Ю. Соловьевым при характеристике «снобистск[ого] равнодуши[я] к социально обеспокоенному рядовому участнику общественной жизни, которого часто называют субъектом обычного сознания. За последним признается психологическая сложность, отображающая сложность породивших его повседневных жизненных обстоятельств. Вместе с тем этому психологически трактуемому сознанию по строгому счету отказано в способности противостоять (или наоборот – осознанно следовать) направленному на него все более организованному, все более целенаправленному потоку массовой информации. В отношении к этому потоку обычное сознание есть беззащитная *tabula rasa*. Это сознание «простака, встретившегося с обманщиком» (объяснительная модель раннего Просвещения). Это сознание без самосознания, носитель которого не поднимается до понимания своей вины (или хотя бы совиновности) в отношении разделяемого им заблуждения и неспособен преодолеть его (заблуждение) в качестве самообмана»¹³.

Аристократизм знания неоправдан, а в чем-то и нелеп ныне, в силу возрастающего демократизма, доступности знания. Образованность коррелирует не только и не столько с материальными возможностями и социальным происхождением, сколько, как никогда прежде, с личными усилиями. В информационном обществе знание доступно и не столь приватизировано отдельными социальными слоями, как

¹² Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи. М.: ИФ РАН, 1996. С. 8.

¹³ Соловьев Э.Ю. Философия как критика идеологий Часть I // Филос. журнал. 2016. Т. 9. С. № 4. С. 5–17.

прежде. С другой стороны, развитие самого знания выстраивает границы специализации. Это в равной степени касается теоретического и практического опыта. Поэтому уничижительная оценка «обыденный взгляд/мышление» дает о себе знать в разных типах деятельности, раздробленных перегородками специализации. Не стоит забывать, что, будучи экспертами в конкретной области, мы часто оказываемся обывателями в иных сферах.

Итак, по целому ряду причин повседневность, которая способна выступать понятным для многих языком, оказывается полем борьбы и противостояния. Наблюдаемое социальное напряжение с особой настойчивостью формулирует запрос на сбалансированное отношение к повседневности: без «придыхания» и «принижения». Требуется нейтральное отношение, не равнодушие, а признание, принятие разных ее аспектов. Подобный баланс труден. К нему взывают очень эмоционально, когда горечь несправедливых оценок кажется беспредельной. Взывает каждая из сторон. И если оппонент не желает слышать, обращаются к третьей стороне, к находящемуся над схваткой. Но как быть уверенным в том, что судья замечает всех, все стороны?

Картины повседневности вновь и вновь рисуют Художники разными красками, разными средствами, с разных ракурсов.

* * *

Уработанный за день на черной работе,
сидя спит человек.

Вагон метро
качает его,
в родную страну везет.

Человек нездешний, бронзовый весь,
плотно сидит, веки смежив,
в глубоком покое тяжелые руки
положил на живот.

Вагон метро
качает его,
а мимо горы плывут.

Синий спортивный костюм
облегает круглые плечи его.
Толстые губы открыты слегка,
как будто песню поют.

Вагон метро
качает его,
копытами тук да тук.

Крепко расставлены ноги
подобно колоннам Синих ворот
при входе в город Урук.
Ой, а родина далека!
Родина далека!

Лампы в метро
освещают его,
руки его, колени его,
седое темя его.

Конечная скоро.
Вот и конец!
Дальше поезд уже не пойдет.
Заходит другой:
«Подъем! Встаем!» –
привычно ботинком в ботинок бьет.
Первый проснулся, быстро вскочил.
Второй, в погонах, дальше идет –

работа такая, устанешь как черт:
пьяный народ, сонный народ,
и все это дело по кругу течет,
по вечному кругу течет...

Пустой состав уходит в депо,
в квадратный черный проход.

Господи, на нашем пути,
на площадях, на улицах, в наших домах –
там, где Ты жил среди нас, где Ты учил,
не оставь нас, детей Твоих.
Милосердный, помилуй нас.¹⁴

Поэту Михаилу Кукину удалось нарисовать объемный образ повседневности. Здесь представлено сразу несколько ее вариантов. В чем-то они пересекаются, в чем-то рядоположены. У каждой свои светлые, темные, нейтральные грани. Многообразие собрано поэтом в одном по-своему заурядном, привычном для многих месте – вагоне метро. Слышится ритмичный стук колес изо дня в день курсирующих поездов подземки. С тем, чтобы прозвучали голоса, мысли, чувства тех, кто пребывает в разных закоулках лабиринта обыденности, поэт приглушил (но не исключил) собственное

¹⁴ Кукин М. Состав земли. М.: Изд-во Н. Филимонова, 2015. С. 23–24.

мнение, позволяя и помогая читателям воспринимать прочитанное по-своему, дополнять личным опытом. И главное – предоставляя свободу поиска той позиции-принципа, что охватит и, по возможности, примирит разное обыденное. Поэт полагает, что такое под силу посреднику, который восприимчив к разному. Работа, осуществляемая подобным взглядом, и служит каркасом стихотворения. Заключительные строки, если позволительно будет светское их прочтение, в свою очередь формулируют не «готовый» ответ, отсылающий к авторитету. Скорее, они выполнены в русле все той же попытки собрать разное местоимением «мы» с маленькой буквы, расположив посредника среди этого многообразия и начертав не вертикальную, а горизонтальную траекторию его взгляда. Нарисованная поэтом картина раскрывает возможности взгляда, который не оценивает, а всматривается, вслушивается, размышляет, достраивает увиденное, пытаясь понять, чем вызвано то, что расположено на поверхности социальной ткани. Вертикаль в стихотворении появляется лишь в тот момент, когда поэт обращает взор на себя-рассказчика, тем самым вынося оценку своему подходу-прочтению окружающего. Но не ранее, не применительно к внешнему миру, где старается двигаться по горизонтальной оси «чувствительности к Другому». О том, насколько важно различать контекст использования вертикальной и горизонтальной осей хорошо показал Ричард Рорти в книге «Случайность, ирония и солидарность»¹⁵. По мнению американского неопрагматиста, установка на совершенствование должна ограничиваться личным пространством. В противном случае наряду с ролью дирижера собственного становления личность присваивает себе роль судьи Других.

Внешне тихая чуткость к ближнему не столько оправдывает кого-либо, сколько помогает видеть, насколько мы вместе находимся в одном вагоне жизни, соответственно, в какой мере комплементарны наши повседневности. Взаимодополнительные они состыковываются друг с другом. Подобные связки, сцепки разного позволяют повседневности меняться и продолжать длиться, быть одновременно чем-то очень личным и понятным многим.

Повседневность составляет значительную долю нашей жизни. Ее недооценка подталкивает нас к обесцениванию жизни чужой и собственной. В праве ли мы так поступать с тем, что связывает нас друг с другом? Повседневность воспроизводится в нашей личной жизни и из поколения в поколение. Размышляя над ней, мы задумываемся над приоритетами человеческого существования.

Литература

Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 390 с.

Бибихин В.В. Примечания // Хайдеггер. М. Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 407–436.

¹⁵ *Рорти Р.* Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.

- Бродель Ф.* Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993. 127 с.
- Вальденфельс Б.* Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос. М.: Прогресс, 1991. С. 39–50.
- Гадаев К.* ВОКШАТСО. М.: Изд-во Н. Филимонова, 2015. 63 с.
- Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи. М.: ИФ РАН, 1996. 216 с.
- Кукин М.* Состав земли. М.: Изд-во Н. Филимонова, 2015. 184 с.
- Рорти Р.* Случайность, ирония и солидарность / Пер с англ. И. Хестановой, Р. Хестанова М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 282 с.
- Соловьев Э.Ю.* Философия как критика идеологий. Часть I // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 4. С. 5–17.
- Сыродеева А.А.* В “защиту” повседневности // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 200–207.
- Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // Хайдеггер. М. Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. С. 192–220.
- Чудаков А.* Ложится мгла на старые ступени: Роман. М.: Время, 2012. 640 с.

References

- Bauman, Z. Individualizirovannoe obschestvo [The Individualized Society], trans. ed. by V.L. Inozemtsev. Moscow: Logos Publ., 2002. 390 p. (In Russian)
- Bibikhin, V.V. “Primechaniya” [Comments], in: M. Heidegger, Vremya i bytie: Stat’i i vystupleniya [Time and Being: Papers and presentations], trans. by V.V. Bibikhin. Moscow: Respublika Publ., 1993, pp. 407–436. (In Russian)
- Braudel, F. Dinamica kapitalizma [La Dynamique du Capitalisme]. Smolensk: Poligramma Publ., 1993. 127 p. (In Russian)
- Waldenfels, B. “Povsednevnost’ kak plavil’nyi tigl’ ratsional’nosti” [Alltag als Schmelztiegel der Rationalität], in: SOTSIO-LOGOS [SOCIO-LOGOS]. Moscow: Progress Publ., 1991, pp. 39–50. (In Russian)
- Gadaev, K. VOKSHATSO [VOKSHATSO]. Moscow: N. Filimonov Publ., 2015. 63 p. (In Russian)
- Kozlova, N.N. Gorizonty povsednevnykh sovetskoi epokhi [Horizons of the Daily Life of the Soviet Era]. Moscow, IP RAN Publ., 1996. 216 p. (In Russian)
- Kukin, M. Sostav zemli [The Composition of the Earth]. Moscow: N. Filimonov Publ., 2015. 184 p. (In Russian)
- Rorty, R. Sluchainost’, ironiya i solidarnost’ [Contingency, Irony and Solidarity], trans. by I. Hestanova, R. Hestanov. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obschestvo, 1996. 282 p. (In Russian)
- Solov’ev, E. “Filosofiya kak kritika ideologii. Chast’ 1” [Philosophy as a Critique of Ideologies. Part 1], in: Filosofskii zhurnal [The Philosophy Journal], 2016, Vol. 9, № 4. pp. 5–17. (In Russian)
- Syrodeeva, A. V “zashchitu” povsednevnykh zhizni [In “Support” of Everyday Life], Voprosy Filosofii, 2016, Vol. 6, pp. 200–207. (In Russian)

Heidegger, M. "Pis'mo o gumanizme" [Letter on 'Humanism'], in: M. Heidegger, *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Papers and presentations], trans. by V.V. Bibikhin. Moscow: Respublika Publ., 1993, pp. 192–220. (In Russian)

Chudakov, A. *Lozhitsya mgla na staryi stupeni: Roman* [Darkness Falls on Old Steps: A Novel]. Moscow: Vremya Publ., 2012. 640 p. (In Russian)

Everyday Life in the State of Escape

Syrodeeva A., Institute of Philosophy, RAS

Abstract: It is typical for everyday life to escape from attention of various social actors since it seems to them to be redundant in the context of their own lives and the lives of others. Paradoxically, it turns into a subject of reflection after being lost. Our contemporary is in a somewhat privileged position, since the dynamism of life today allows clearly to see the finitude of various daily states and processes. This knowledge, the author believes, helps both ordinary people and the researcher to be less biased in perceiving and comprehending structural and value characteristics of everyday life, its diversity and ambiguity. The article highlighted complementary coexistence of different variants of daily life that contributed to its integrative role in the society.

Keywords: everyday life, daily, ordinary life, layman, commonsense, the uncertainty, the dynamism of contemporary life, diversity, ambivalence, arrogance, social integration